

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К98

Художественное оформление  
*Anastasii Ивановой*

В книге использованы фотографии  
*Anastasii Лазуренко*

**Кэш, Катя.**  
К98      Я проснулась лисицей / Катя Кэш. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-04-109735-6

Лондон, 2012 год. Главной героине почти 30 лет, и она решает начать всё с абсолютного нуля. Она меняет семь работ, от домработницы и сиделки до барменши, учится законам выживания, открывает темные стороны большого города, находит и теряет друзей... А Лондон из места действия становится одним из действующих лиц.

«Я проснулась лисицей» — это автобиографическая история о девушке, которая начинает всё с абсолютного нуля в Лондоне.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109735-6

© Katia Kash, 2020  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается*

*актрисе, шаманке, Большой Чешке  
и каждому персонажу этой книги.*

*А также тому, кто остался без истории,  
но кто был неотъемлемой частью всего.*



## *Оглавление*

Глава 1. Комната . . . . .	9
Глава 2. Мэрия . . . . .	21
Глава 3. Мексиканец . . . . .	33
Глава 4. «Президент-Клуб» . . . . .	50
Глава 5. Шаманка . . . . .	63
Глава 6. Киприот . . . . .	74
Глава 7. Сёрфер . . . . .	86
Глава 8. Большая Чешка . . . . .	95
Глава 9. ЮНИСЕФ . . . . .	107
Глава 10. Алкоголь . . . . .	119
Глава 11. Чех . . . . .	131
Глава 12. Мужчины . . . . .	150
Глава 13. Человек-птица . . . . .	170
Глава 14. Кокаин . . . . .	178
Глава 15. Наркотики . . . . .	197
Глава 16. Семь гномов . . . . .	205

*Katia Kash*

Глава 17. Сто Чашек Зеленого Чая . . . . .	219
Глава 18. Берёза . . . . .	233
Глава 19. Дети . . . . .	242
Глава 20. Мужчина, Которому Был 91 Год . . . . .	265
Глава 21. Барон . . . . .	285
Глава 22. Тело . . . . .	312
Глава 23. Прощай, дорога из жёлтого кирпича! . . . . .	326

## ГЛАВА 1

### *Комната*

Мое первое слово было «синий», не «дай» и не «мама». Передо мной на круглом обеденном столе стояла ваза из толстого синего стекла. Бабушка поставила в неё какие-то ярко-желтые цветы, и я впервые по-настоящему увидела уже знакомый мне предмет. Позже я стала проделывать этот опыт со всеми знакомыми-незнакомыми вещами — я стала внимательно всматриваться в них и открывать их заново. Меня приводило в восторг, что никто не мог ответить на вопрос: что нарисовано на спичечном коробке? На том самом, который они по несколько раз в день брали в руки, зажигая конфорки газовой плиты. Там нарисован бедуин! Я сияла, переполненная эмоциями. Да, бедуин! Руки брали коробок, подносили его ближе к лицу, рассматривали под разными углами. Я сказала «синий». Мне было два года и уже тогда я получала особое наслаждение от слов — от их звучания, их волшебства умещать в себе сущность предмета или понятия. Я могла подолгу размышлять над фразой «сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Я ходила в своих резиновых сапожках по весенним подорожникам и мать-и-мачехе пусты-

ря и повторяла про себя: «сказка — ложь, сказка — ложь...» Мне нравилось, как все, что становилось историей — пересказанной или записанной — с какой бы точностью ни сохранялись мельчайшие подробности, переходило в свой персональный мирок, приобретало отдельное существование. Словами можно было вдохнуть жизнь в любую историю. Можно было быть Богом для маленького пузыря с заключённой в него микровселенной.

Я начала читать рано — всё, что содержало буквы и попадалось мне под руку — отрывной садоводческий календарь, стопку журналов «Огонек», тома советской энциклопедии, «Маленького принца»... Когда, по мнению взрослых, я достаточно подросла, чтобы спрашивать у меня, кем я хочу быть, я отвечала, что писателем. Я хотела быть писателем, проституткой и ведьмой. Поскольку в меня входило огромное количество информации, невозможно было отследить, откуда именно я узнала о проститутках — я имела о них очень смутное представление, но решила попридержать эту часть ответа при себе. Интуитивно я понимала, что родители и окружение не одобрят такое стремление. И тем не менее мне хотелось быть именно писателем, проституткой и ведьмой. Возможно, через дефис — всеми тремя одновременно. Строго говоря, все три являются не профессиями, а некими духовными практиками. Как бы то ни было, я сформулировала свой заказ и отправила его в никуда, как письмо в бутылке.

В школе я учила свою подругу-одноклассницу, которая говорила «талготки» и «небель», таким сло-

вам, как «аскет» и «лазурный». Мне было с ней скучно, но она жила по соседству — никто не жил в той черте, за которой начиналось кладбище. Никто не ехал в троллейбусе до последней остановки, кроме нас двоих.

В школе мне было скучно и одиноко — мне бanalьно было не с кем поговорить. Я дружила с библиотекаршой. Ей было за сорок и у нее был один сын — мой ровесник, — который презирал книжки. Его звали Женя, и он постоянно смотрел на меня тяжелым слюнявым взглядом детской похоти. Почему я помню, как его зовут? Почему в память входят такие случайные, незначительные персонажи? Почему именно они как черви прогрызают тоннели в глубины подсознания и потом выползают оттуда в наши сны и мысли?

Я знала, что обладаю над ним непонятной мне по природе властью. Это было каким-то образом связано с проститутской частью моего призыва. Я презрительно терпела его молчаливое липкое присутствие и в обмен пользовалась его карточкой, на которую могла брать себе ещё книг.

По ночам я колдовала над своими костями, призывая их расти — я знала, что дети растут во сне, и мне хотелось поскорее перерости старшую сестру, которая меня постоянно пинала. Я родилась, когда ей было почти семь лет и она уже слишком привыкла быть одна, слишком привыкла единолично владеть вниманием и любовью родителей. Один раз я силой мысли рассосала небольшую грыжу, которая выскочила на запястье после того, как я куба-

рем слетела с велосипеда. Утром меня должны были вести к хирургу на операцию, и когда мама пришла меня будить, грыжи не было. Я не могла поверить глазам и только смеялась без конца, что еще больше заводило маму, сердившуюся непонятно за что и переживавшую за запись у врача (которую она выбила с большим трудом вне положенной очереди).

Я проделывала этот же трюк, останавливая всё же наступившие в 13 лет менструации. Я долго болела гриппом, прикованная к постели. Когда в конце второй недели я дотащила своё чахлое тело в туалет и увидела кровь, я решила, что мне пришёл конец. Но мама сказала: «Ты больше не ребёнок. Теперь ты — женщина». Мне не нравилось быть «женщиной». Я не хотела вступать в этот клуб и отныне кровоточить раз в месяц. Мне приснился сон, что я стою на краю бассейна, в котором купаются голые женщины. У всех них была большая грудь, и они все казались мне толстыми. Я стояла на бортике в большой футболке, переминая ногами. Женщины уговаривали меня спуститься к ним в воду. Я долго сопротивлялась, пока наконец не сдалась при условии, что не буду снимать футболку.

Первое слово на английском языке было *cucumber* (огурец). Я крутила в руках детский словарь с яркими картинками, и мой взгляд привлекла надпись «*cucumber*» — *кукумбер*. Я просто сошла с ума от того, как это слово выразило прохладу огурца, его длинное цилиндрическое тело, его свежий водянистый вкус. Как эти слоги, этот набор звуков пере-

дали огуречный запах — так пахнут молодые стебли камыши. В одно мгновение я вернулась в ощущение своего первого словесного кайфа — новый язык открыл бесконечность незнакомых слов, в которые можно было погружаться с тем самым знакомым мне удовольствием. Тогда я бы в жизни не представила себя за барной стойкой в Лондоне, проходящей с «Сити бойз» такую же просветительскую работу, как с подругой-одноклассницей, открывая им, носителям языка, прекрасные, редкие слова.

«Что ты делаешь здесь?»

«Ты имеешь в виду здесь, в Лондоне, или здесь, в этом баре?»

«И то и другое. Но прежде всего здесь — здесь, в этой дыре?»

И правда: что? Я знаю, как я здесь оказалась. Я знаю, что привело меня в этот ночной оазис для пьячуг и искателей приключений. Но что именно я здесь делаю?

«Ты же можешь быть где угодно, с кем угодно! Ты можешь все!»

Да. Я могу все. Главное — разбогатеть до наступления холодов.

*Get rich before it gets cold* — это были слова актрисы. Она была намного опытнее и знала, что зима в Лондоне для тощих нищебродов — нелегкое испытание.

Лето закончилось. У меня не было денег. У меня не было работы. У меня не было даже самого вшивого плана, что мне делать. Всё, что у меня было —

это моя комната. Я отдала за первый месяц аренды все свои деньги, включая выручку за немногие свои драгоценные украшения, которые продала в ломбарде за гроши. Когда ты продал всё, что можно продать, — это точно дно.

Моя комната. Мой новый дом размером четыре на шесть шагов. Только мой. Комната была незаконная и стоила лишь половину цены, которую просили за жилье в этом респектабельном районе — парк с оленями, канал, магазины биоеды. Ближайшей станцией метро была «Ангел» — мне нравилось это совпадение, этот счастливый знак.

Хозяйка квартиры — ирландка, вечно причитавшая о том, как всё в жизни дорого — получила квартиру от государства как мать-одиночка. Она жила в загородном доме с отцом троих своих детей, с которым попросту не была расписана: «Лондон — это не то место, где можно иметь семью», она плотно сжимала губы и водила головой — «нет».

Моя комната была как больничная палата — белая и пустая. В ней не было абсолютно ничего. Белая матовая лампочка, белые жалюзи на окне и две встроенные полки. Я притащила с улицы матрас и разложила на полках свои немногие пожитки: две футболки, одни джинсы и несколько трусов. Мне нужно было проделать с этим набором библейское чудо семи хлебов и двух рыбок.

Маленькая хрупкая актриса как муравей притащила из старой жизни в новую воз с прицепом всякой всячины — книги, чашки, тарелки, салатницу, нераспечатанные банальные наборы (те самые рожде-

